

С. Н. РОГАЧ
Республика Беларусь, г. Минск

ТРАДИЦИОННЫЕ «ГЕНДЕРНЫЕ ИСТОРИИ»: ПОСТСОВЕТСКАЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ «ГЕНДЕРА»

Наблюдаемое нами в последнее десятилетие успешное освоение отечественным университетским бомондом «не-отечественного» концепта «гендер» заставляет задуматься о различиях в его понимании и трактовках современными интеллектуалами. Среди множества написанных «гендерных историй» интересно было бы вычлениить и обозначить основные их характерные черты и особенности.

Для начала уточним, что понятие «перформативности “гендера”» в данном случае будет играть роль не только конструируемой и утверждаемой (посредством «цитатности»), постоянно меняющейся гендерной идентичности (что было предложено полтора десятилетия назад Джудит Батлер, одной из главных американских теоретиков постфеминизма) [21, 7]. Рискнем проследить в некоторых специально выбранных и проанализированных текстах определенные специфически заданные и повторяющиеся смыслы, приписываемые понятию «гендер».

Их авторов можно сгруппировать следующим образом:

1. К первым отнесем специалистов, взявших на себя миссию распространения выборочных переводов и/или интерпретаций зарубежных публикаций, посвященных методологическим вопросам категории «гендер» в историографии [1, 277–311; 4, 5–18; 9, 106–121; 14, 15–34]. Их центры находятся в Харькове, Минске, Санкт-Петербурге, Москве. Опорой для них в исторической категоризации «гендера» является работа американской постфеминистки-историка Джоан Скотт [16, 405–436]. Она определяет «гендер» как концепт, связывающий две основные системы: во-первых, *социальные отношения*, основанные на обязательных различиях между полами, а во-вторых, означивание в каждом социуме определенных *отношений власти*. Сюда же включаются и четыре подсистемы: а) культурные символы; б) комплекс норм и запретов; в) социальные институты и отношения; г) субъективная идентичность [16, 422–424]. Другими базовыми пунктами для подобных научных исследований могут являться как переживающие новый взлет фукианские «истории сексуальности», так и предложенные Батлер сами по себе неустойчивые «перформативности» гендера.

2. На следующей ступени окажутся те же специалисты от гендерных центров, но мы их обозначим уже как самостоятельно рефлексивно пульсирующих и постоянно производящих своим собственным критическим анализом абсолютно новые «гендерные истории» (или их интерпретации) [1–5]. В таких случаях также необходимо учитывать присутствие большого количества *различных* западных феминистских теорий (пересекающихся с постмодернизмом, постмарксизмом, постфрейдизмом, постлакановскими концепциями) [15, 253–276; 17, 166–171]. Высшей целью ученых, работающих по данной научной схеме, является взрыв старой академической базы историографии, и в результате... полная ликвидация «Истории» как предмета науки или «строительство» новых – множественных, междисциплинарных, «гендерно, расово и этнически чувствительных» – вариаций исторических дисциплин.

3. В третьей группе могут быть авторы многочисленных разношерстных сборников материалов научных конференций – либо специально посвященных «гендерной исто-

рии», феминистским вопросам [2, 79–81, 125–127; 3; 6–8], либо имеющих секции с подобной тематикой [10, 223–244; 13, 249–251; 17, 166–173; 20, 3–4, 31–32]. Однако

именно в этой научной сфере результаты очень сильно разнятся. Большое количество выступлений и публикаций приходится не на специалистов, глубоко усвоивших гендерные теории, а на по необходимости (традиционно) сталкивающихся с полоролевыми и половозрастными разделениями исследуемых групп и обществ, с одним из необходимых пунктов исследований этнографов, антропологов.

4. Четвертая группа озадачивает нас в буквальном смысле *традиционными* трактовками «гендера» с постоянным использованием этого термина без определенной политической настроенности и пафоса [19, 31–35] – в контексте «гендерной нейтральности» или с полным отрицанием радикальных идей (что само по себе противоречит первично заданной формулировке «гендера» как являющейся базовой величиной иерархии власти). Наиболее опасным веянием здесь, как отмечал десять лет назад Пьер Бурдьё, является возможность для «гендера» остаться вечной «частью», «маленькой историей», «историей прекрасных женщин», включенной *в качестве дополнения* во всемирную «Большую Историю» [23, 66].

5. Еще одной крайностью может являться восприятие любой гендерной истории как рассказывающей только о насилии, угнетении, жертвах.

Чтобы не казаться в своих трактовках заранее скептически настроенной по отношению к упрощенным интерпретациям «гендера», приведу пример самоанализа-критики собственных предыдущих подобных работ. Во-первых, значительная их часть сводилась к рассказам о жизни знаменитых знатных женщин (будь то средневековая писательница Кристина Пизанская или какие-либо европейские королевы) с промежуточным затушевыванием и неотрефлексированным использованием понятия «гендер». И наоборот, психологически односторонним представлялся способ толкования *любых* групп обществ как обязательно действующих по иерархическому принципу «власти и подчинения». Как видится нам теперь, необходимо учитывать определенную степень «диалогичности», «множественности» в интерпретациях и разъяснениях действий людей *разных* полов, причем как в *разнообразных* исторически проигрываемых ситуациях, так и с учетом их классового, этнического, расового, возрастного *отличия*, и, конечно, с признанием психологических особенностей, «мира чувств», интересующих нас в исследовании особ.

Остановимся на том, что успешная традиционализация в среде постсоветских историков некогда далекого нам понятия «гендер» уже сейчас приводит к осознанию необходимости осторожного его присвоения и использования в собственных научных текстах. Следовательно, вместо неуклюжего копирования и провинциального повторения «вчерашнего дискурса» необходим как критический пересмотр многочисленных зарубежных трактовок «гендера», так и рефлексивное выявление и собственных предрассудков, и возможностей выбора личных способов «говорения». В противном случае, перефразируя слова известного политолога и культурного антрополога Сергея Ушакина, «мы так и останемся “с гендером”», «полезной категорией из чужого анализа...» [18, 39]

1. Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие. Ч. I. / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков; СПб., 2001.
2. Гендер и проблемы коммуникативного поведения. Новополоцк, 2002.
3. Гендерные истории Восточной Европы: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пета. Мн., 2002.
4. Женщины в истории: возможность быть увиденными. Ч. I. / Под ред. И. Р. Чикаловой. Мн., 2001.
5. Женщины на краю Европы / Под ред. Е. Гаповой. Мн., 2003.
6. Женщина. Образование. Демократия. Мн., 1999.
7. Женщина. Образование. Демократия. Мн., 2000.
8. Женщина. Образование. Демократия. Мн., 2003.
9. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1. Мн., 2002.

10. Матэрыялы міжнароднай канферэнцыі «Славянскі свет: Міжэтнічныя адносіны на мяжы трэцяга тысячагоддзя», 16–17 лістап. 2001 г. Брэст, 2002.
11. Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб., 2001.
12. О муже(N)ственности: Сб. ст. / Сост. С. Ушакин. М., 2002.
13. Преэминентность и разрывы в интеллектуальной истории. М., 2000.
14. *Пушкарева Н.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // *Женщина. Гендер. Культура.* М., 1999.
15. *Пушкарева Н.* «Устне твои сот искаплют...» (Опыт феминистского прочтения нарративов XII–XIX вв., описывающих женский и мужской рот) // *Гендерные исследования.* №9 (1/2003). Харьков, 2003. С. 253–276.
16. *Скотт Джоан.* Гендер: полезная категория исторического анализа // *Введение в гендерные исследования.* Ч. II. Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001.
17. Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Мн., 2000.
18. *Ушакин С. А.* «GENDER» (напрокат): полезная категория для научной карьеры // *Гендерная история: pro et contra.* СПб., 2000.
19. *Философия. Культура. Общество:* Сб. трудов молодых ученых и аспирантов. Вып. 3. Ч. I. Мн., 2002.
20. *Человек, культура, цивилизация.* Мн., 2002.
21. *Butle Judith.* Bodies That Matter: On the Discursive Limits of 'Sex'. New York & London, 1993.
22. *Butler Judith.* Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity. New York, 1990.
23. *Bourdieu Pierre.* Remarques sur l'*Histoire des Femmes* // *Femmes et Histoire.* Colloque organisé par G. Duby, M. Perrot, La Sorbonne 13–14 novembre 1992. Paris, 1993.